

Сергей КУЗИЧКИН

Красноярск

Главный редактор «Нового Енисейского литератора».

ОТКОС

Глава из романа

Продолжение. Начало в «НЭЛ» №№ 1 – 2/2017, 4 – 5/2018, 1, 3 – 5/2020, 1 – 4/2021, 2 – 5/2022, 1/2023

Люба-Любава

Ждать и надеяться

Мы выбираем не случайно друг друга... Мы встречаем только тех, кто уже существует в нашем подсознании.

*Зигмунд Фрейд, австрийский психолог,
психоаналитик, психиатр и невролог*

1.

Любе не хотелось вставать со скамейки. От воспоминаний на душе стало хорошо и спокойно. Начало нового солнечного сентябрьского дня, тёплого и по-особому уютного, настраивало на оптимистическое отношение к жизни. К тому, что ей, если разобраться, ещё не так много лет и всё в её жизни ещё может быть. Воспоминания — грустные и приятные, преследовавшие Любу по пути к фельдшерскому пункту, как и плывущие по небу лёгкие белые облака, не закрывавшие солнца, как и мчавшиеся навстречу поезда, убегающие за речку-Бирюсу, и дежурная по станции Нина Васильева как часть её воспоминаний, — сложились в одно

ясное и светлое целое, а именно: в желание жить, мечтать, ждать хорошего.

Ждать...

Снова ждать? Сколько она уже ждала в своей жизни, сколько надеялась...

Что-то, о чём мечталось, осуществилось — она стала медицинским работником, а что-то нет — например, поездка в Москву...

Но нужно всё-таки ждать и верить, что лучшее в жизни впереди.

Да, нужно ждать. Ждать и надеяться на то, что будет ещё в жизни много хорошего и, она, Люба-Любава, будет счастлива. Ведь столько уже пережито, столько было в жизни у неё сложностей, горьких разочарований, что наконец-то должно прийти к ней оно — счастье.

2.

Счастье...

Что такое счастье? Она много раз слышала сама, читала и даже видела в кино, как люди пытались словами определить, что такое счастье. Многие говорили о том, что это состояние души. Временной отрезок, когда в жизни всё складывается удачно и всё получается. Кто-то выигрывает автомобиль в лотерею и ликует, кто-то получает новую квартиру и прыгает от радости, у кого-то рождается первенец, и он готов обнять каждого встречного.

«Счастье — это удовлетворённость условиями собственного существования, — вспомнила Люба слова терапевта Геннадия Васильевича, когда он объяснял ей и своей маленькой дочке Галке понимание счастья, вычитанное им в какой-то мудрой книге. — Счастье — это когда я являюсь частью, соединённой с тобой, с Галкой, с другими хорошими людьми, с природой. И мы все составляем одно целое. Понятно?» — «Нет!» — отвечала она тогда ему, смеясь вместе с Галкой. Ей не хотелось вникать в глубинный смысл его слов — наверное, потому, что в тот момент, в ту минуту, в те недолгие часы, когда они были вместе, она была счастлива.

«Какой у нас папа Гена умный. Правда Галя?» — спрашивала она его шестилетнюю дочь, и та, тоже смеясь, была счастлива по-своему, по-детски, громко отвечала ей: «Да!» А восторженный врач-терапевт, счастливый оттого, что Люба рядом с ним, говорил не умолкая. Говорил о том, что человек — это не только часть, но доля чего-то необъятного целого и долю свою, пронеся через жизнь, он тоже принесёт к одному общему и целому.

Люба слушала его, смеялась и кивала, не думая в те часы и минуты ни о прошлом, ни о будущем и вообще, как ей казалось, ни о чём. Для неё тогда он был её частью, её долей, её целым. Целым мужчиной. Таким, как её отец. Хотя не совсем таким. Отец был единственным и неповторимым, единственно-неповторимым для неё, и с ним никто не мог сравниться. Ни одноклассник Генка Васильев, ни даже врач-терапевт Геннадий Васильевич. Отец её, Святослав Игоревич, которого многие называли Князем, был целым Миром, Планетой, Звездой, Галактикой, Вселенной. Он заполнял всю её жизнь, и она не представляла своей жизни без него. И ей, тогда семилетней девочке, казалось, что так будет всегда. Всегда её отец, Великолепный Святослав, как иногда звала его мама, будет рядом с ней и мамой, рядом с бабушкой и дедушкой...

3.

Но вот уже почти тридцать лет как его нет, и ей иногда кажется, что она, Люба-Любава, Любава Святославовна Рюрик, все эти три десятка лет либо спит и видит дурной сон, либо, переместившись каким-то образом, живёт сейчас не в своём мире, не на своей планете, а в системе чужой, далёкой от Земли, звезды, в другой галактике и в другой вселенной, где всё происходящее с ней — не её жизнь, а жизнь другой женщины, другой Любы-Любавы, не настоящей. А она, настоящая, скоро проснётся и увидит рядом и отца, и мать, и дедушку, и бабушку. И отец снова возьмёт её за руку, и они вместе пойдут к мосту через речку Бирюсу, к железной дороге, к крутому откосу, где он поднимет её высоко-высоко — до самого неба, и она увидит

проплывающие совсем рядом над головой облака, которые можно потрогать, увидит улыбающееся ей солнце и — далеко за лесом, за мостом и рекой Бирюсой — большие красные звёзды Московского Кремля. Иногда Люба задумывается так сильно, что начинает верить: всё в жизни можно повторить и исправить, что родители её, бабушка и бабушка не ушли совсем, а где-то находятся рядом, и стоит ей захотеть, сильно-сильно захотеть — они вернутся.

Удивительно, но пришедшая снова к ней мысль о чужом мире, воспоминания о родных ей людях не расстроили её, а отозвались трепетными ударами сердца.

Она часто думала об отце и верила, что он жив.

«Он не мог умереть, не мог оставить меня одну на этом свете. Он обязательно вернётся! Он тоже думает обо мне, но не может пока приехать, не может по каким-то не зависящим от него причинам. Но он приедет обязательно... Может быть, он меня не узнает сначала. Он уезжал, когда я была первоклассницей, а сейчас стала взрослой женщиной... Взрослой... Женщиной...»

Да, она теперь взрослая. Взрослая женщина. И на мужчин она теперь смотрит по-взрослому, как женщина. А что она знает о них? Наверное, очень мало, почти ничего.

Дедушка её Пётр Фёдорович, отец Святослав Игоревич, начальник станции Дмитрий Алексеевич, мастер сплавного участка Левчук, школьные учителя — это была группа мужчин, на которых она смотрела в своё время с трепетом и восторгом. Они во многом были примерными для неё людьми, надёжными, всегда принимавшими правильные решения. Такими они и остались в её памяти.

А вот её одноклассники, Генка Васильев, шахматисты городских и районных турниров, студенты медицинского училища и, наконец, терапевт Геннадий Васильевич — мужчины совсем другие, из другой группы. И по возрасту другие, и по...

4.

Люба вдруг поняла, что сейчас с ней происходит что-то необычное: она делает открытие окружающего её мира.

Переходит на новую ступень осмысления, и происходившие с ней события открываются ей с новой стороны. Наверное, только сегодня, только сейчас, сидя на скамеечке у железнодорожной станции, она, взрослая женщина, открыла для себя то, что известно другим уже тысячелетия: мужчины и женщины отличаются не только по физическому строению, но и по восприятию окружающего мира, а значит, видят мир по-разному, по-разному воспринимают одни и те же события, по-разному оценивают их. Не оттого ли в жизни мужчин и женщин много недопонимания, не оттого ли происходят разводы, не оттого ли вроде бы нужные друг другу люди не могут жить вместе, не оттого ли она, Любава Рюрик, живущая на свете четвёртый десяток лет, в общем-то хорошая, не потерявшая красоты женщина, до сих пор одна?

«Ну вот, снова грустные мысли... Не оттого ли, что солнце скрылось за облаком? Облако маленькое, правда, полминутки — и снова солнце!»

На перроне не было никого. Нина Васильева, проводив поезд, ушла к себе на станцию, прибытия электричек в ближайшее время не ожидалось. По бетонной площадке у соседней скамейки прыгали и чирикали несколько воробьёв.

«Бедные птички — им всё время нужно заботиться о пропитании. А лето закончилось, зима приближается помаленьку, и воробушкам скоро придётся прятаться от морозов и вьюг. И не только им, но и всем лесным жителям — белочкам, зайчикам, бурундучкам — предстоит пережить долгую зиму. Птицам и зверям природа готовит новые испытания. А людям испытания готовит не только природа, но и жизнь: каждый борется, преодолевает их как может, как сумеет. Жизнь — борьба. Видимо, это правильно: без борьбы, без преодоления трудностей не было бы, наверное, и жизни. И было бы смысла в жизни. Вот до чего додумалась. Уже и философствовать начала».

Вставать со скамейки не хотелось. Люба взглянула на часы и решила, что может посидеть несколько минут.